

СУБЭТНИЧЕСКАЯ ЗНАКОВОСТЬ ГОВОРОВ БОЛГАРСКОЙ ДИАСПОРЫ ЮГА УКРАИНЫ

В. А. Колесник (Одесса)

Этническая знаковость определенной культуры обусловлена контекстом взаимосравнений с другими этническими культурами, которые ее окружают и на фоне которых она выделяется. Рассматривая этническую знаковость культуры болгарской диаспоры, можно говорить о таких вариантах контекстов и взаимовлияний как: протоболгарская, славянская, восточная (тюркская), балканская, которые формируют суперэтническую знаковость болгарской культуры. Этническая знаковость болгарской культуры проявляется в языке, например, на фоне русской в обилии семантических мест в ЛСГ с опорным словом “овца” и “боб”, в специфике коннотаций лексемы “пипер”, в семантическом объеме и словообразовательном потенциале некоторых других лексем.* Ею обладают лексемы, повсеместно распространенные в говорах и имеющие специфику в семантике на фоне других лексических систем. Так, лексема *таван* употребляется повсеместно в двух значениях — “потолок” и “чердак”, лексема *къща* имеет также два значения во всех исследуемых говорах — “дом” и “комната”. На этническую функцию пищи неоднократно указывали этнографы, отмечая в частности, что для болгар характерно большее употребление хлеба, в то время как для германских народов — картофеля, для скандинавских — рыбы, для западных славян — картофеля и каши. При этом для болгар-полянцев и фракийцев характерно большее употребление овощей и изделий из теста, а для балканцев и рупцев — молочных продуктов и мяса.*

Субэтническая знаковость представляет собой регионально-локальные разновидности культуры каждого этноса. Она формируется как на основе автохтонных источников, так и на системе иноэтнических и внутриэтнических заимствований. Следы субэтнической специфики находим прежде всего при исследовании лексико-семантических групп, характеризующих традиционно-бытовую культуру переселенцев. Некоторые из этих групп — терминология родства, ткачества, названия построек уже были предметом специального этнографического исследования, однако факты языка при этом, как правило, не учитывались. Хотя неоднократно отмечалось, что в языке следы этнической и субэтнической специфики сохраняются дольше, он теснее связан с историей народа, с развитием его материальной и духовной культуры.

Глубина различий между литературным языком и диалектами, как известно, во многом зависит от глубины диалектных различий в эпоху формирования литературного языка. Если в метрополии языковое расстояние между литературным языком и диалектами сокращается, то говоры диаспоры, как и все говоры периферии, являются хранилищем архаики и сохранили в ос-

новном традиционном фонде состояние языка донационального периода, демонстрируя разнообразие диалектов.

Болгарские говоры метрополии принято делить по рефлексам *ятя* на восточные и западные. Вопреки некоторым неудобствам ятовой изогlossen она все же определяет основные направления дифференциации говоров и по ряду других фонетических, морфологических и лексических изоглосс. Черты дифференциации наречий и группировка болгарских говоров, определенные Л. Милетичем и Б. Цоневым, сохраняют свою значимость и в настоящее время. В ряде исследований современных болгарских диалектологов нередко отмечены точно установленные границы говоров и их дифференцирующие черты. Однако проблема близости и различий между отдельными болгарскими говорами все еще не рассмотрена с необходимой точностью и методами лингвистической географии.

Исследуя болгарские говоры метрополии и диаспоры, ученые не раз отмечали, что наибольшие отличия между говорами обнаруживаем в лексике. В ней общая картина исторического процесса в большей мере открыта, доступна непосредственному наблюдению. Даже в центральном балканском говоре, легшем в основу литературного болгарского языка, и в настоящее время употребляются лексемы, отсутствующие в литературном языке. “Общая система на българския език като цялостност с всичките му диалекти включва в себе си устойчиви (стабилни) черти, общи за целия български език, и неустойчиви (променливи, нестабилни), в които се проявяват диалектните различия”.*

Эти различия касаются прежде всего названий предметов и явлений, появившихся в сравнительно позднее время. Так, по данным болгарских диалектологов, *кукуруза* в болгарских говорах представлена 22 названиями, *картофель* — 10, *помидоры* и *дыня* — 5, *арбуз* — 4 и т.д.*

В болгарских говорах юга Украины для названия *кукурузы* используются чаще всего лексемы *мамуля*, *пашой*, *папашой*, *папур*. В то время как другие названия зерновых, как правило, имеют общеполгарский характер: *зимка*, *ръш*, *боп*, *леца*, *прусо*, *ичумик*, *семи*. Заимствованиями из русского языка являются повсеместно лексемы *гречка* и в некоторых селах — *гарох*. Для названия *дыни* в исследуемых говорах чаще используется заимствование из турецкого языка *каун*, *каунчи*, которое в метрополии находим в основном в южных районах, расположенных вдоль границы с Турцией и Грецией. Общеславянское название *дыня* используется, как и в литературном языке, для названия арбуза.

Диалектные различия между говорами наблюдаются и в ряде лексем основного словарного фонда, обозначающего основные жизненно важные понятия. Это прежде всего глаголы говорения, которые в исследуемых говорах представлены следующими лексемами: *гълча* (чийшийские говоры), *хуртувам* (фракийские), *приказвам*, *казувам*, *думам*, *викам*, *кръця*, *балакам* — заимствование из украинского языка, характерное для одесской группы фракийских говоров.

Типичные особенности говоров, которые сразу бросаются в глаза носителям других говоров и на основании которых данный говор может быть идентифицирован, болгарские диалектологи называют диагностирующими чертами диалекта. “Образно казано, те представяват лингвистичен лакмус за относително бързо ориентиране в лингвогеографската действителност”.* Диагностика восточных и западных болгарских говоров неоднократно проводилась болгарскими исследователями на всех языковых уровнях. Лексические диагностирующие особенности иллюстрируют, как правило, парами: *риза* — *кошуля*, *котка* — *мачка*, *сладък* — *блак*, *ям* — *ручам*, *бързам* — *варкам* и др. Однако в исследуемом регионе почти нет переселенцев из Западной Болгарии (кроме видинцев). Наиболее отчетливо диагностируются на юге Украины говоры северные (северо-восточные) и южные (юго-восточные), особенно на фонетическом уровне и прежде всего по рефлексам *ятя* (*летен*, *верен*, *десен* — в северо-восточных говорах и *лятен*, *вярен*, *дясен* — в юго-восточных). Диагностирующим является и ударение в формах повелительного наклонения, частица будущего времени, формы артикля и некоторые другие. На лексическом уровне наиболее характерны противопоставления *дъщеря* — *щерка*, *стан* — *разбой*, *зеле* — *лахна*, *гълча* — *хуртувам* и др. Субэтнические особенности демонстрируют и отдельные типы говоров, из которых наиболее яркими являются шуменский, сливенский, голицкий (еркечки). На принадлежность говора к шуменскому или к сливенскому отчетливо указывают несколько грамматических раритетов. Так, только в шуменском говоре в фonomорфологической позиции 1 л.ед.ч. и 3 л.мн.ч. наст.вр. находим гласный и вместо **ъ**: ас *върви*, тий *вървит*. Для сливенских же говоров в глагольных словоформах 1 л.ед.ч. наст.вр. и 3 л.мн.ч. характерна комбинация окончаний **-а/-ът**, т.е.: ас *чета*, но те *четът*. Для шуменского говора характерна также форма личного местоимения 3 л.ед.ч. м. и ср. рода и (вместо лит. *го*). На фоне других болгарских говоров юга Украины этот говор, представленный наиболее полно в селе Криничном (Чешма Варуита), характеризуется наличием большего числа славянских элементов. Так, *колдец* называется здесь славянской лексемой *въбел*, *убел* (ср. *гиран*, *бунар* — в других селах), *окно* — *прозуриц* (ср. *джам*, *пенджур* — в большинстве других сел), собака — *цене*. Вместо наречия *сега* (сейчас) используется славянское *нине*, *анине* (стб. **НЫНЕ**), местоимения *кой*, *куя*, *куе* (который) — *кутри*, *кутра*, *кутро* (стб. **КОТОРЫИ**).

Таким образом, исследуя субэтнические элементы в говорах болгарской диаспоры, можно получить сведения, способствующие решению ряда актуальных проблем славистики, связанных с этногенезом славян, формированием, становлением норм литературного языка и др. Наиболее целесообразно рассматривать субэтнические элементы в оппозиции славянское — неславянское в говоре. В то время как повсеместно употребляющиеся лексемы, имеющие разветвленную лексико-словообразовательную парадигму в говоре, обладают, как правило, этнической знаковостью, лексемы, отлича-

ющие говоры, имеют субэтническую знаковость и способны разграничить основные субэтнические группы болгар. В исследованном регионе более релевантным оказывается деление болгарских говоров на северные (северо-восточные) и южные (юго-восточные). Бьялая общность всех южноболгарских диалектов проявляется здесь более наглядно.

Литература

1. Колесник В. А. Этнокультурный аспект исследования лексики болгарской диаспоры // Слов'янський збірник — 1998. — вып. III. — Одесса. — С. 55-61.
2. Колев Н. Българска етнография. — В. Търново, 1982. — С. 174.
3. Стойков Ст. Българска диалектология. — София, 1993. — С. 26.
4. Там же. — С. 75.
5. Кочев И. За диагностиращите черти на българските диалекти // Български език, кн. 4, 1991. — С. 307.